А. В. Кузьмин

СИНОДИК БОЯРСКОГО СЫНА П. С. БАБИНА

(СУДЬБА РУКОПИСИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦА)

Одним из фондов, материалы которого постоянно привлекают внимание исследователей, является собрание рукописных книг известного деятеля Преображенской старообрядческой общины Е. Е. Егорова (1862–1917), принадлежавшего к беспоповскому федосеевскому согласию[1]. Его богатая по содержанию коллекция имеет 2180 единиц хранения. Хронологически они охватывают рукописные книги за XIV – начало XX в.[2] Большинство из них пока не введено в научный оборот, т. к. исследователям до сих пор доступна только сильно устаревшая инвентарная опись.

Среди коллекции Е. Е. Егорова встречается более десятка рукописных синодиков. Часть из них была создана еще до раскола русской православной церкви, и потому позднее они пользовались особым интересом со стороны старообрядцев, с охотой приобретавшими такие ценные рукописные книги, внося в них необходимые, по их мнению, исправления и добавления. Ряд синодиков из собрания Е. Е. Егорова имеют записи писцов, создавших данные рукописи, или сведения о прежних владельцах, тщанием которых и были созданы синодики.

Одним из таких рукописных помянников, имеющим как данные о писце – Антипе, так и сведения о его заказчике и первом владельце – Перфилии Семеновиче Бабине, является синодик под инвентарным № 155. Согласно вкладной записи, П. С. Бабин «положилъ» его «в дом(ъ) Стретению Г(оспод)а Б(о)га / и Сп(а)са н(а)ш(е)го И(су)са Х(рист)а и вели/кому чюдотворцу Николе / ... по себе и по своих(ъ) / родителехъ»[3].

Согласно водяным знакам синодик следует датировать второй четвертью XVII в. (не ранее 1633 г., учитывая позднейшие добавления) [вод. зн.: 1) кувшинчик. – см.: *Briquet*. Т. 4. № 12886. – 1609 г.; 2) кувшинчик с полумесяцем над ним и др., подобный тем, что относятся ко 2-й пол. 20–30-х гг. XVII в. – см.: *Загребин*. Кувшинчик. С. 84 и сл.; 3) л. 142–145 – лите-

ра «М» (?), XVIII в.]. Рукопись была написана некрупным полууставом (перо, чернила, киноварь) в 4є (18,5×14,5; л. 105: 17,4×13,7; л. 106: 16,7×13,5). В настоящее время она имеет 145 листов. Однако изначально синодик имел бóльшее число листов, часть из них ныне в рукописи отсутствует. Сохранившийся переплет – доски в коже, орнамент с геометрическим тиснением (XVII в.), корешок порван, обе застежки утрачены. На верхней крышке переплета сохранились два железных гнезда, каждое из которых было прибито к крышке одним кованым железным гвоздем. В верхнем левом углу верхней крышки переплета наклеен бумажный ярлык, на котором рукой написан номер «155»; на обороте крышки – шифры рукописи, ранее входившей в состав собрания рукописей и архивных материалов Н. П. Никифорова: «№ 180-й» (чернилами) и в собрание рукописей Е. Е. Егорова – «Е. 155». На обороте нижней крышки переплета рукописи карандашом указан другой ее номер: «№ 1336». Вдоль корешка книжный блок изъеден жуками. Между л. 32 и 33 ныне отсутствует не менее 3-х листов; л. 105–106, 142–145 представляют собой листы, произвольно вложенные в рукопись, которые выпадают из блока; л. 135 разорван по центру. На листах книги остались пятна от сырости. Книжный блок состоит из 16 тетрадей, имеющих кириллические сигнатуры на нижних полях 1-го листа или обороте последнего листа (1-я тетрадь) каждой тетради (черные чернила, перо). На внешнем поле л. 83–102 – кириллическая нумерация статей разделов «Поминаемое во бл(а)гочестии скончавшихся сице от века» (киноварь, перо).

На л. 104, 105 и 106 находятся миниатюры (3) – иллюстрации к тексту эсхатологического содержания, очеркового характера с раскраской в «акварельной» манере. На л. 19 об. – круглая заставка-рамка, орнамент стилизованных растительных форм (чернила). На лл. 20, 83, 108 – заставки (3) в виде подражаний «старопечатной» чернофонной гравюре (перо, чернила). Книга украшена тонкими киноварными инициалами, вязью (лл. 20, 83, 108). На обороте верхней крышки переплета наклеен листок бумаги с рис. 1891 г. – орнамент стилизованных растительных форм (перо, акварель).

Рукопись имеет следующие записи: 1) На л. 102–102 об., в конце основного текста помянника, скончавшихся от века, запись писца почерком основного текста: «Помяни, Г(оспод)и, душу раба своего Антипу, потрудившагося трудолюбезна написати синодик сей ко святому храму сему Николе да к Сре-

тению Г(оспод)а Б(о)га и Спаса нашего Исуса Христа в память своим родителем повелением раба Божия Порфирия Семенова сына Бабина. И прости им, Господи, вся согрешения их, еж(е) согрешиша во вся дни живота своего и упокой их с праведными твоими молитвами Пречистыя Матери Твоея и Всех Святых Твоих. Аминь!»; 2) На л. 19 об. вкладная запись писца, выполненная киноварью, в медальоне: «Сии сино/дикъ положилъ / в дом(ъ) Стретению Г(оспод)а Б(о)га / и Сп(а)са н(а)ш(е)го И(су)са Х(рист)а и вели/кому чюдотворцу Николе / раб Б(о)жии Перфиреи Семе/новъ сынъ Бабинъ / по себе и по своих(ъ) / родителехъ»; 3) На обороте верхней крышки переплета поминальные записи кон. XVII – нач. XVIII в.: «Иосифа, П[а]н[к]ратия м(ладенца), Анны, Ма[рьи?], Иосифа, бр(ата?) Родиона, Июды, Павла, Макари(я), Стефана, Иоанна, Ирин[ы], Аврамиа, Софи[и] м(ладенца), Авксентия, С(о) фии» и 1-й пол. XVIII в.: «Марка, Устинии, Ми..., Агафии, иерея Григория, Натали[и]»; 4) К обороту верхней крышки переплета подклеен листок с акварельным рисунком, на котором рукой бывшего владельца было записано: «Рисовалъ Ляля д. п. в 1891-м году. Н. Никифоровъ»; 5) К обороту нижней крышки переплета подклеен листок с записью размышлений Н.П. Никифорова касательно происхождения вкладчика П.С. Бабина; 6) На л. 32 об., 97 – пробы пера и читательские пометы.

Содержание: 1) «Предословие о любви духовнои. Творение Киръ Савы, Савиной пустыни», нач.: «Д(у)ховныи мои отче и Г(о)с(по)дне, им(я)р(е)к. Сотвори со мною Б(о)га ради последнюю любовь, и милость сицеву, помилуи, мя, Б(о)га ради...» (л. 1–18); 2) «Слава начинающемоу и совершающему всякое дело бл(а)гое единому премудрому и всесилному и вся содержащему во Тро(и)цы славимому Б(о)гу, во векы, аминь!», нач.: «Начало Предословию синодика сего. Смышлениемъ с(вя)тых ап(о)с(то)лъ седмидесятеи и дву по извещению С(вя)таго Д(у) ха и оутвер(ъ)жение с(вя)тых(ъ) от(е)цъ седми Соборъ всея Вселенныя, како жити хр(и)стианом(ъ) в законе и како поминаемым быти д(у)шамъ хр(и)стианскым...» (л. 20–45); 3) «Книга г(лаго)лемая предложимо бысть от с(вя)тыхъ ап(о)с(то)лъ и от с(вя)тыхъ от(е)цъ», нач.: «Сия книги сп(а)сеныя и д(у)ше полезъныя суть. В нихъ ж(е) написашася, хотяще д(у)шамъ своимъ сп(а)сения и помощи во страшныи и великии день грознаго и трепетнаго Х(ри)с(то)ва суда...» (л. 45–48); 4) «От правилъ с(вя)тыхъ от(е)цъ», нач.: «Известно буди вамъ, иж(е) за д(у)шу творимая до четыредесяти днеи м(и)л(о)стыня по оу-

мершемъ, или алчных насыщение, или ереиския въ ц(е)ркви м(о)л(и)твы...» (л. 48–51); 5) «Таж(е) от слова с(вя)т(о)го Леонтиа, прозвитера Ц(а)ряграда о поминании оумершихъ», нач.: «Вонми разумно, аще над гробомъ ты н(ы)не вино пиеши или брашны оуслаждаешис(я), что еси оуспелъ преже оумершему, кии изветъ днес(я) над гробомъ пиры оуставляти, и яко на брацех смех творити, ино бракъ, а ино гроб...» (л. 51–53); 6) «И по семъ пооучение от слова Дорофеева о нашемъ житии», нач.: «Попецемся о себе братие, попецемся и трезвимся любимицы, дондеж(е) имамы время, и сотворимъ нечто бл(а)го, да обрящемъ помощ во время напасти, что погубляемъ жизнь нашу, и что о себе ленимся, и что нерадимъ...» (л. 53–57 об.); 7) «Сие предисловие общаго синодика, еже есть помянника, избранно бысть от Б(о)ж(е)ственныхъ писменъ и сказателно въкратце попечении ради о оумершихъ», нач.: «Всяко даяние бл(а)го и всякъ дар совершенъ, сходя и свыше от О(т)ца светомъ. Свет же ес(ть) Х(ристо)с, истинныи Б(о)гъ нашъ, въ Тро(и)цы прославляемыи со отцемъ и С(вя)тымъ Д(у)хомъ...» (л. 57 об.–82 об.); 8) «Поминаемое во бл(а)гочестии скончавшихся сице от века», нач.: «Помяни, Г(оспод)и, д(у)ша, иж(е) последоваша пр(о)роческим гласом и иж(е) виноваашася ап(о)с(то)льским оучениемъ, иж(е) приложишася ева(г)г(е)льским списаниемъ и с(вя)тыхъ от(е)цъ Вселенскихъ Седми Соборовъ предания держащих...» (л. 83–101 об.); 9) Слово Иоанна Дамаскина, нач.: «Зрю тя гробе и оужасаюся видения твоего и сердечно каплющую слезу проливаю, долгъ д(у)ше дателныи во оуме своемъ примаю, како оубо прииму конецъ...» (л. 103–103 об.); 10) Правило о поминании умершего инока, нач.: «Аще кто преставится от братии, братъ н(а)шъ, и мы [по] погребении его, входимъ въ ц(е)рковь и творимъ 15 поклоновъ за д(у)шу его...» (л. 105 об.); 11) «Егда восходитъ от престола славы Б(о)жия д(у)ша, и тогда Агг(е)ли показующи еи райския различныя красоты...» (л. 106 об.); 12) Слово «Того же Иоанна Дамаскина», нач.: «Помянухъ пророка вопиюща: азъ, есми, земля и попелъ (так!), и паки разсмотрих(ъ) во гробе, и видехъ кости обнажены...» (л. 107); 13) «Б(о)жиею м(и)л(о)стию составися сеи синодикъ по бл(а)г(о)с(ло)вению великого г(о)с(по)д(и)на и первонастолнаго отца нашего с(вя)теишаго Иова патриарха, Московскаго и всея Руси. И сеи помянникъ сложен(ъ) бысть наподобство вселенскаго канона, иже сотворенъ бысть по оусопшихъ в мясопустную суботу», нач.: «Аще ли случится кому сеи помянникъ прочитати, и начни сице. Аще ли ереи да речет: «Бл(а)гословенъ

Б(о)гъ!» Аще ли простыи да г(лаго)леть...» (л. 108–127); 14) «И после сего помянника кончаи сице», нач.: «Достойно есть весь до конца, и потом тр(и)с(вя)тое, и по о(т)ч(е) нашъ, таж(е) троп(а)ри, оусопшим...» (л. 127–128 об.); 15) «И по семъ поклонение твори за оусопших пред(ъ) образомъ вл(а)д(ы)ки нашего Х(рист)а и Пр(е)ч(и)стыя его М(а)т(е)ри, елико ти мочно», нач.: «И на кииждо поклонъ гл(аголат)и: «Помяни, Г(оспод)и, д(у)ша оусопших рабъ своихъ и рабынь всехъ скончавшихся в правоверной вере...» (л. 128 об.–129 об.); 16) «Оуказъ о литияхъ, певаемая за оусопшихъ, оже когда бывает(ъ) лития, и когда не бывает(ъ)», нач.: «Подобаетъ ведати, яко всегда по все лето бывает лития въ притворе, вечеръ и оутро...» (л. 129 об.–132); 17) «Сложенъ бысть вкратце помянникъ вселенскаго родословия», нач.: «Помяни, Г(оспод)и, д(у)ша правоверныхъ рабъ своихъ и рабынь, преж(е) почившихъ века сего: от Адама и до Ноя, от Ноя и до Авраама...» (л. 133–135 об.); 18) «Помяни, Г(оспод)и, д(у)ша с(вя)теиших вселенскых патриархъ», основной почерк оканчивается записью имен русских патриархов: «Иева (так!) Московскаго, Ермогена, Филарета», позднее последним (полуустав сер. XVII в.) был вписан патриарх Иоасаф, (л. 135 об.); 19) «Помяни, Г(оспод)и, православных ц(а)реи и хр(и)столюбивых великихъ князеи и чад(ъ) их(ъ)», начинается с имен императора Константина и его матери Елены, великого князя киевского Владимира (Василия), а оканчивается – поминанием царя и великого князя Б.Ф. Годунова, его сына царевича Федора и «князя Михаила» (боярина князя М.В. Скопина-Шуйского), ниже приписки нескольких почерков: 1-м почерком (полуустав сер. XVII в. (после 14 июля 1645 г.?)) вписаны имена царя и великого князя Михаила Федоровича и его сына царевича Ивана; 2-м почерком (полуустав 2-й пол. XVII в. (после 28 января 1676 г.?)) вписано для поминания имя царя и великого князя Алексея, а позднее 3-м почерком (посл. четв. XVII в.) было записано отчество государя («Михаиловича»), а также вписаны для поминания имена царя и великого князя Феодора Алексеевича и его жены царицы и вел. кнг. Агафии Семеновны (л. 136–137 об.); 20) «Помяни, Г(оспод)и, д(у)ша преос(вя)щенных митрополит Киевъских и всея Руси», начинается с записи имен митрополитов Михаила, Леонтия, Иоанна, последним вписан – Кирилл (л. 138); 21) «Помяни, Г(оспод)и, д(у)ша преос(вя)щенных митрополит Московских и всея Руси», начинается с записи имен киевских митрополитов Феогноста, Алексея, Киприана, последними вписаны имена митрополитов Филиппа «Ко-

лычевскаго», Киприана и Пафнутия (л. 138 об.); 22) «Помяни, Г(оспод)и, бл(а)говерных ц(а)р(и)цъ и хр(и)столюбивых великихъ кн(я)гинь и чад ихъ», начинается с записи имен Ольги (Елены), Анны, Елены, последней вписана – царица Марья (Годунова); ниже находятся две приписки: 1-м почерком (полуустав кон. XVII – нач. XVIII в.) вписаны имена царевен Пелагеи и Софьи; 2-м почерком (полуустав кон. XVII – нач. XVIII в.) – царицы и вел. кн. Евдокии (л. 139–140).

Анализ текста рукописи показывает, что синодик имел 2-й вид общего поминания, составленного при московском святителе патриархе Иове в 1597 г., а также правила поминания усопших.

Рукопись имеет несколько позднейших приписок к основному тексту синодика. Они относятся ко второй половине XVII – первой трети XVIII вв.: 1) «Сеи родители вдовы Устиньи Парфеньевы» (не записаны) (л. 18 об.); 2) «Род Посольниковых» (л. 140 об.–141); 3) Правила поминания усопших, без начала и конца (л. 142–145 об.); 4) Записи о поминании бесфамильных лиц (л. 18 об.–19, 102 об., 104 об., 107 об., 141–141 об.); 5) Анонимная запись о здравии Павлу и Евфросинии (л. 108); 6) «Род(ъ) сенатора Назария Петровича Мелницкого, за упокой» (л. 132 об.–133). В это время синодик еще не был в руках старообрядцев. Следовательно, все изменения, постигшие его текст, могут относиться лишь к середине XVIII – концу XIX вв. 15 ноября 1901 г. рукопись была куплена Е. Е. Егоровым у М. П. Вострякова за 30 рублей из числа книг, оставшихся после смерти Н. П. Никифорова (№ 1336).

Коллекционер Н. П. Никифоров был первым исследователем, попытавшимся определить происхождение вкладчика и первого владельца рукописи – П. С. Бабина. На листке, подклеенном к нижней крышке переплета, сохранились предварительные размышления Н. П. Никифорова о месте упоминаемого в записи храма и происхождении заказчика данной книги: «На 2-м листе 12-й тетради, говорится, что написанъ сей синодикъ рабом Божиим Антинопою (имя записано дважды – скорописью и полууставом. – *А. К.*), повелением р[аба] Б[ожия] Перфирия сына Бабина. Хорошо бы доискаться, где находится етотъ храмъ сретения Господня; в монастыре ли каком либо, или приходская церковь; и кто такой Порфирий Семеновичь Бабинъ; боярин ли, или ис простых людей; въ синодике Печерскаго Нижегор[одскаго] монастыря, писанном в 1649-м году, упоминается родъ Бабичевыхъ, не он ли самый?»

Очевидно, что в своем поиске Н. П. Никифоров исходил исключительно из определенного сходства образования фамилий дворян Бабиных и князей Бабичевых-Друцких от прозвища Баба (Бабич). Однако он совершенно не собирался вдаваться в подробности не только их территориального, но и социально разного происхождения. Наблюдение Н. П. Никифорова, высказанное в виде догадки, в источниках подтверждения не находит[4].

Из какого же рода мог происходить П. С. Бабин?

Актам Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. фамилия боярских детей Бабиных неизвестна. В документах, относящихся к истории Московского великого княжества, впервые она встречается лишь в начале XVI в. (приблизительно – не ранее 16 июня 1504 г.). В духовной грамоте московского великого князя Ивана III Васильевича говорится, что князю Семену Ивановичу, одному из его младших сыновей, в удел завещались города Бежецкий Верх, Калуга и Козельск «с волостми»[5]. Среди них Козельск был новым московским владением. Еще недавно он входил в состав так называемых Верховских земель, где преимущественно правили князья Одоевско-Воротынского дома – потомки святого и благоверного киевского и черниговского великого князя Михаила Всеволодовича († 1246). 12 марта 1488 г. Козельск был пожалован королем Казимиром IV Ягеллончиком в держание служилому князю Дмитрию Федоровичу Воротынскому. В конце 1489 г. он отъехал вместе со своими «отчинами», частью держаний и рядом захваченных владений из Великого княжества Литовского в сторону Москвы. Таким образом, Козельск вернулся в состав Московского великого княжества и был включен великим князем Иваном III Васильевичем в число собственных владений[6]. В связи с новоприобретенным характером Козельска, в отличие от Бежецкого Верха и Калуги, духовная грамота имела развернутый перечень его волостей, путей, сел и мест. В их числе упоминалось «Ивановское Бабино село Незнаново»[7].

Как показывают материалы посольской книги по отношениям России с державой Ягеллонов, село Незнаново в Козельском уезде не было единственным владением Ивана Бабина. В январе – феврале 1494 г. его имя вновь встречается в источниках в связи с перечислением смоленских волостей, которые держал князь Дмитрий Федорович Воротынский: «Порыски, объ сю сторону Козелска, Норышкиныхъ вотчина, да връхъ Серена за Серенскомъ, Норышкиныхъ же вотчина, да Липи-

ци, да **Възбыновъ, Ивана Бабина отчина, а служитъ князю Дмитрею** (выделено мной. – *А. К.*)»[8].

Уточнить время жизни Ивана Бабина помогает жалованная грамота, выданная 21 июня 1498 г. от имени литовского великого князя Александра Ягеллончика князю Константину Крошинскому на двор Болваничи и волостку Белицкую. Эти владения располагались в Смоленском повете. Данный акт отмечал, что здесь вольные слуги «Иванковы дети Бабина заведають землю бортную Болваницкую». Причем ранее этот двор и волостка были в держании князей Михаила и Федора Одоевских[9].

Итак, благодаря указанным выше свидетельствам источников, можно выяснить, что Иван Бабин умер между январем-февралем 1494 – 21 июня 1498 гг., а его дети остались на службе у великого князя Александра Ягеллончика в Великом княжестве Литовском. Иван Бабин происходил из числа смоленских землевладельцев. Во второй половине XV в. он вступил в служебные отношения с удельными князьями Воротынскими[10]. На рубеже XV–XVI вв. первые носители фамилии Бабины были подданными Великого княжества Литовского.

К данному времени относится первая фиксация в Великом Новгороде помещиков Бабиных, географическое происхождение рода которых пока выяснить не удается[11]. Отметим лишь, что в XVI в. в синодике Никольского Вяжицкого монастыря (список кон. 90-х гг. XVII в.[12]) был записан род «д(е)р(е)вни Болшего Лучна Василья Еремиева с(ы)на Бабина» (поминались Марк и Селивестр Бабины)[13]. Однако их связь со смолянином Иваном Бабиным никак не прослеживается. Вполне возможно, что в данном случае речь могла идти об однофамильцах[14].

В источниках середины XVI в. упоминается всего два представителя рода Бабиных, связанных с центральными уездами России. Предположительно в них можно видеть внуков Ивана Бабина. Первым из Бабиных упоминается Савва Ильин сын, который в 1538/39 г. был писцом данной грамоты душеприказчиков И. Я. Чебукова – В. П. Ромейкова, Г. А. Урусова и воскресенского протопопа Афанасия. Они передали Троицкому Макарьеву Калязину монастырю права на сельцо Лубенкино и деревню Осиновец в Суходольском стане Кашинского уезда[15]. Вторым был городовой сын боярский Иван Захарьин сын Бабин. В 1556 г. он был записан в каширской десятне. В списке каширян И. З. Бабин упоминается на 128 месте. За ним числи-

лось поместье «на полъ 200 четв.». Он служил «самъ о дву конь, человекъ на коне въ сайдацехъ, человекъ со вьюкомъ»[16].

Это свидетельство источника представляет определенный интерес. Он вызван тем, что в писцовых описаниях последней четверти XVI в. упоминаются представители рода мелких коломенских и каширских землевладельцев Бабиных. Ряд их соседей по землевладению в Коломне, например Загряжские, Пересветовы, Совины, Васильчиковы и Толстые, происходили из числа нетитулованной служилой знати Чернигово-Северской земли. Поэтому не исключено, что предком коломничей Бабиных мог быть тот самый смоленский боярин Иван Бабин, владения которого в Козельске на рубеже XV–XVI вв. вошли в состав московских великокняжеских земель.

Аргументом в пользу этого предположения служит также судьба потомков ряда смоленских бояр. Например, после присоединения Смоленска к Московскому государству уже в 1515 г. Василий Яковлевич Демьянович (один из предков дворянского рода Демьяновых) получил свое первое кормление в Коломенском и подтверждение прав на владения в Медынском уезде[17]. В XVI в. в Коломенском уезде писцовым материалам известны поместья других потомков выселенных сюда смолян и вязьмичей (например, Александровых, Жеребятичевых, Коковинских, Маршалковых, Молоцких, Нарышкиных и др.[18]).

С. Б. Веселовский отметил, что во время опричнины в числе пострадавших мог быть некий Третьяк Бабин (или Бакин)[19]. Однако текстологические наблюдения Р. Г. Скрынникова показывают, что среди казненных 9 октября 1569 г. лиц в Синодике по опальным поминают именно Третьяка Бакина (еще один вариант написания фамилии – Баскин), а не Бабина[20].

В 70–80-е гг. XVI в. представители рода Бабиных сидели на поместьях в Коломенском, Каширском и Медынском уезде[21]. К этому времени Бабины были уже довольно большой по числу представителей фамилией, восходившей, по-видимому, к одному общему предку.

Книга «писма и меры» дворовых детей боярских Д. П. Житова-Бороздина и Ф. Камынина «съ товарыщи» 1577–1578 гг. отмечает, что в Маковском стане Коломенского уезда поместье Нефеда (Федора) Иванова сына Бабина находилось в селе Ивановском на р. Богданке. В этом селе стоял деревянный храм во имя пророка Ильи («древяна, клецки»), к которому были отданы «пашни церковные земли 25 четьи, да пер. 15 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Богданке и вра-

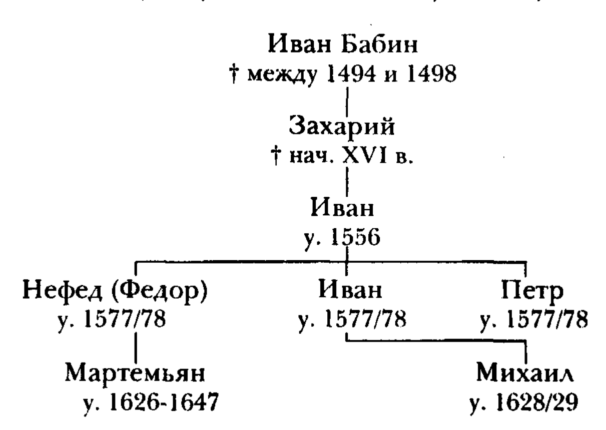
гомъ 40 коп.». За самим помещиком находилось «пашни сер. земли 20 четьи, добр. землею 16 четьи, да пер. 85 четьи, да кусторемъ поросло 75 четьи, добр. землею пер. и кусторемъ поросло 128 четьи, и обоего пашни и пер. и кустаремъ поросло добр. землею съ наддачею 144 четьи въ поле, а въ дву потомужъ»[22]. Согласно писцовым описаниям, у Н.И. Бабина был сын Мартемьян, который в 1626–1647 гг. упоминается на поместье в Коломенском уезде[23].

В Похрянском стане Коломенского уезда располагалось поместье Ивана Иванова сына Бабина: «полов. дер. Стрелкова, а въ ней 5 местъ дворовыхъ». Всего за И.И. Бабиным было «пашни сер. земли наездомъ пахано 20 четьи, да пер. 95 четьи, да пер. же кустаремъ поросло 10 четьи, добр. землею пашни, что пахано наездомъ, и пер. и кустаремъ поросло 100 четьи въ поле, а в дву потомуже, сена внизъ по рчк. по Громодовке и по Телятниковскому врагу и межъ пашенъ и по заполью 50 коп.». Оклад за ним был в 150 четьи («и не дошло его в оклад поместья 50 четьи»). Церковное строение в его владениях отсутствовало[24]. В 1628/29 г. в Коломне в числе выборных дворян упоминался Михаил Иванов сын Бабин[25]. Очевидно, он был сыном И.И. Бабина.

Помещиком Растовского стана Каширского уезда был Петр Иванов сын Бабин. Центром его владений было сельцо Бурцово, расположенное на р. Хвощенке. Оно имело «дв. помещиковъ, да дв. лютцкой, да 8 дв. крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да дв. пустъ; пашни добр. земли 66 чети, да пер. 60 четьи, да пер. жъ лесомъ поросло 25 четьи, и обоего 150 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Хвощне по обе стор. 150 коп., да на Болшой пол. 100 коп., да противъ Заразского поля по вражку 50 коп., лесу рощи пашенные 4 дес., лесу кустарю 4 дес., да у присады лесу рощи непашенные 3 дес., да по рчк. по Хвощенке лесу непашенного 1 S дес.». Церковного строения поместье П.И. Бабина не имело[26].

Учитывая тождество отчеств, время жизни и непосредственное соседство поместий трех данных представителей рода Бабиных, можно полагать, что Нефед, Иван и Петр были родными братьями. Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство. Центром владений Н.И. Бабина являлось село Ивановское. Сумма данных косвенных свидетельств источников позволяет предполагать, что отцом помещиков Н. И., И. И. и П.И. Бабиных, по-видимому, был упоминавшийся в 1556 г. каширской десятне Иван Захарьевич Бабин.

Сведения в источниках о данной ветви рода Бабиных можно свести в следующую генеалогическую схему:

Владения еще одной ветви рода Бабиных находились в Большом Микулине стане Коломенского уезда по соседству с поместьями И. И. и В. И. Загряжских. Здесь располагались поместья Никиты Захарьина сына Бабина и его родного 10-летнего племянника – Захария Умного сына Бабина.

В 1577/78 г. владения З. У. Бабина состояли из 2/3 села Непейцино, находившегося на реке Сиверке, а также вражка «Хвастюхъ». В селе было две церкви – во имя великомученика Георгия Победоносца («древяна, вверхъ») и во имя архиепископа Николая Мирликийского («древяна, клетцки»). К нему тянули «пашни церковеыя 20 четьи, пашни сер. земли 42 чети, добр. землею 34 чети безъ полуосм., да пер. 225 четьи, да пер. жъ кусторемъ поросло 80 чети, добр. землею пер. и кусторемъ поросло добр. землею съ наддачею 278 четьи безъ полуосм. въ поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Северке ставитца 435 коп.». З. У. Бабин, что весьма важно, унаследовал это поместье от отца[27]. По-видимому, З. У. Бабин умер в начале XVII в., т. к. 4 мая 1606 г. во владении за С. И. Луниным в Коломенском уезде упоминается бывшее поместье З. У. Бабина в 60 четей[28].

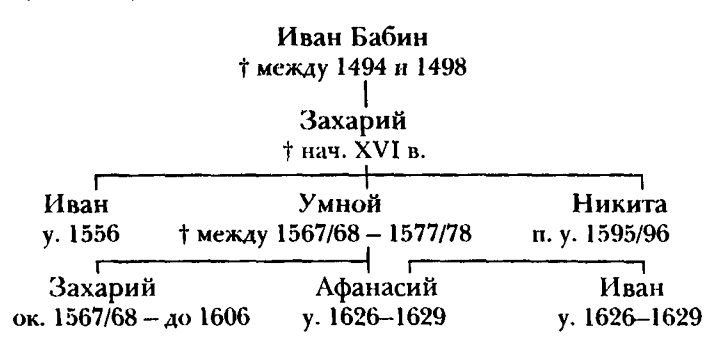
Поместье дяди З. У. Бабина – Н. З. Бабина – до перехода во владение С. И. и Б. И. Тишковых находилось в Левичине стане Коломенского уезда. Оно состояло из двух пустошей: пустоши на р. Вохринке (ранее бывшей деревней Санькино), к которой тянули «пашни сер. земли 6 четьи, да пер. 20 четьи, да пер. жъ кустаремъ поросло 75 четьи въ поле, а въ дву

потому же, сена по рчк. по Вохрянке 20 коп., лесу непашенного кусторемъ дес.» и пустоши на р. Тре (ранее бывшей деревней Чижово), «а в ней пашни сер. земли четв., да пер. 9 четьи, да пер. жъ кусторемъ поросло 10 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Тре 15 коп.». Церковное строение в бывшем поместье Н. З. Бабина отсутствовало[29]. В Коломне он имел осадный двор, который находился по соседству с двором боярина Ф. В. Шереметева, «от Пятницких ворот по правой стороне»[30].

Н. З. Бабину на местном уровне удалось сделать видную карьеру. Он дослужился до выборной должности и стал коломенским губным старостой. Сохранились сведения о том, что в этом качестве в 1595/96 г. Н. З. Бабин вместе с городовым приказчиком Прокофием Акиньшиным производил отделы на границе с Растовским станом Каширского уезда, составил отдельную книгу по Коломенскому уезду[31].

Детьми Н. З. Бабина были коломенские помещики Афанасий и Иван, упоминающиеся в писцовых материалах за 1626–1629 гг.[32] Очевидно, последний из них – это тот самый голова Иван Бабин, который, согласно книге сеунчей за 1613–1619 гг., 20 и 24 ноября 1617 г. дважды в Коломенском уезде разгромил отряды польско-литовских интервентов[33].

Учитывая сведения источников о представителях данной ветви рода Бабиных, их следует свести в следующую генеалогическую схему:

Родственниками указанных выше лиц, безусловно, были Алексей Федоров, Степан Михайлов, Андрей и Петеля Бабины, также владевшие в 70-е гг. XVI в. поместьями в Коломенском уезде[34]. К сожалению, установить их прямые родственные связи из-за незначительности информации известных источников пока не удается.

Среди приведенных выше лиц пристального внимания заслуживает ближайший круг родственников Андрея Бабина, и вот почему. Согласно писцовой книге 1577/78 г., этот боярский сын уже считался бывшим помещиком, владения которого ранее находились в Каневском (Коневском) стане Коломенского уезда. Центром его поместья было сельцо Сидоровское, где, кстати, церковное строение отсутствовало. Запустевшее поместье А. Бабина, которое было передано братьям М. Н. и Ф. Н. Ворониным, состояло из «слц. Сидоровское, подъ нимъ бывалъ прудецъ: пашни сер. земли 25 четьи, добр. землею 20 четьи, да пер. 100 четьи, да пер. жъ кусторемъ поросло 200 четьи, добр. землею пер. и кусторемъ поросло 240 четьи, и обоего пашни и пер. и кусторемъ поросло добр. землею съ наддачею 260 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена по Олексину селищу и по врагомъ 250 коп., да сеножатижъ по Бурнове пожни лесомъ поросло 55 коп., лесу рощи 20 дес.»[35]. Между тем в 80-е гг. XVI в. на поместьях в Вежецком стане Медынского уезда упоминаются братья Александр, Семейка и Василий Андреевы дети Бабина[36]. Очевидно, что все они были детьми покойного Андрея Бабина. Одного отцовского поместья для них было мало, и поэтому этих трех Бабиных испоместили в Медынском уезде, где было достаточно свободных земель.

За Александром, вероятно, старшим среди братьев, числились в поместье сельцо, деревня, «да полсемы пустоши». Кроме этого, к 1586/87 г. ему уже удалось получить прибавку к владениям – «новые дачи 3 пуст.»[37].

За его братом Семейкой (Семеном) было сельцо, деревня, 2 починка и 2 пустоши. Кроме того, «за нимъ же въ Мигуньине ст. четь дер., что было слц., пусто, да въ Городенскомъ ст. пуст.»[38].

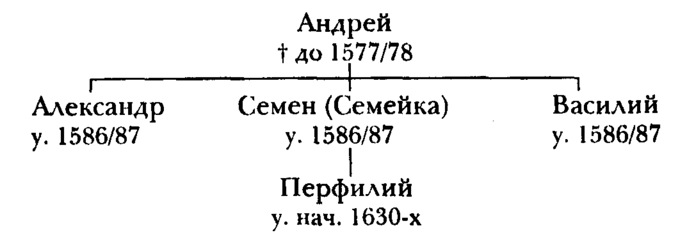
Василий, младший брат Александра и Семейки имел в поместье сельцо, 4 деревни и 2 пустоши[39]. Церковное строение в их владениях отсутствовало.

Во второй половине XVI – первой четверти XVII в. среди владельцев поместий на Юге России в Рязанском, Ряжском и Тульском уездах также встречаются представители фамилии Бабиных. Родственные отношения этих Бабиных с коломничами и каширцами Бабиными не исключены, хотя их пока проследить не удается. Источники не имеют какой-либо информации о церковных строениях на территории их небольших поместий[40].

Именник представителей рязанской и тульской фамилии Бабиных не дает каких-либо оснований связывать П.С. Бабина с представителями данной ветви.

Выяснение персонального состава представителей рода Бабиных показывает, что наиболее вероятным отцом П.С. Бабина, заказчика описанного нами ранее синодика, учитывая время жизни, мог быть только С.А. Бабин.

Учитывая сведения источников о представителях коломенской и медынской ветви рода Бабиных, данные о них можно свести в следующую генеалогическую схему:

Слово «домъ», упоминаемое во вкладной записи П.С. Бабина, встречается в ряде значений церковного учреждения – церкви и архиерейской кафедры[41]. Кроме того, в актах встречается еще одно его значение – монастырь[42]. Среди церковных строений, встречающихся во владениях представителей рода Бабиных, известен только один храм, который был посвящен архиепископу Мир Ликийских Николаю Чудотворцу. Вполне можно допустить, что медынская ветвь фамилии не потеряла в первой трети XVII в. связи со своими коломенскими родственниками. Как рабочую, конечно, нельзя не рассмотреть версию, что П.С. Бабин мог вложить, переписанный рукой Антипы, «потрудившагося трудолюбезна написати синодик сей ко святому храму сему Николе да к Сретению Г(оспод)а Б(о)га и Спаса нашего Исуса Христа», находившемуся в сельце Непейцыно в Большом Микулине стане Коломенского уезда. Однако писцовая книга не упоминает у этого храма Сретенского придела. Поэтому более вероятной может быть другая версия.

Для ее рассмотрения следует еще раз обратить пристальное внимание на вкладную запись, сделанную от имени П.С. Бабина. Типологически она близка к формуляру вкладных записей, которые в середине XVII в. упоминают Николо-Угрешский монастырь:

Рукописный синодик П. С. Бабина (первая треть XVII века)	**Пролог, первая половина (сентябрь – февраль). М.: Печатный двор, 16. 12. 1642 г.**
«Сии сино/дикъ положилъ / **в дом(ъ) Стретению Г(оспод)а Б(о)га / и Сп(а)са н(а)ш(е)го И(ису)са Х(рист)а и вели/кому чюдотворцу Николе** (выделено мной. – *А. К.*) / раб Б(о)жии Перфирей Семе/новъ сынъ Бабинъ / по себе и по своих(ъ) / родителехъ»[43].	«Лета 7156-го года месяца июля в 3 день положили сие две книги прологи сиречь пролетия собрание святых жития всего лета **в дом Стретения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и великого чюдотворца Николы** (выделено мной. – *А. К.*) и святых триех чюдотворцов московских и всеа Русиі Петра и Алексея и Ионы и святаго великомученика Феодора иже в Пергiі бывшые Николы Угрешского монастыря крестьяня...»[44].

Запись Антипы дана более кратко, но упоминает главные престолы его храмов. Поэтому нельзя исключать версию, что П. С. Бабин пожаловал свой синодик именно в Николо-Угрешский монастырь. Такое внимание вкладчика к обители объяснимо, ведь с 1616 г. она была местом регулярного богомолья царя Михаила Федоровича[45].

Данной версии не противоречит и расположение Николо-Угрешского монастыря. Он находился на известном торговом пути из Москвы в Коломну и Каширу, а оттуда на р. Дон или в Поднепровье. Особый статус обители придавало распространенное с конца XVI в. в древнерусской агиографической литературе убеждение, что именно здесь был первый стан владимирского и московского великого князя Дмитрия Ивановича, где ему явился чудотворный образ святителя Николая Мирликийского. На р. Угреша великий князь пришел из Москвы на пути в Коломну, готовясь к битве с войсками Мамаевой орды. Популярность великого князя Дмитрия Ивановича Донского в Смутное время и после его окончания в России резко возросла.

На протяжении XVI–XVII вв. Бабины владели поместьями и вотчинами в Коломенском, Каширском, Медынском и других уездах Российского государства[46]. Интересно отметить, что в сотной выписи из писцовых книг князя Р. Д. Дашкова, Ф. Г. Адашева-Ольгова и дьяка Т. М. Дубровина 1542/43 г. упоминается «деревня Коровина Бабина» – вотчина Николо-Угрешского монастыря в Копотинском стане Московского уезда[47]. Писцовые материалы 1577/78 г. отмечают, что у данной обители были свои владения в Маковском, Брашевском и Ле-

вичинском станах Коломенского уезда[48]. Эти факты свидетельствуют в пользу возможности старинной связи между родом Бабиных и Николо-Угрешским монастырем. Таким образом, версия о вкладе П.С. Бабина синодика именно в эту обитель представляется нам более чем вероятной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рыков Ю.Д.* Егоров Е.Е. // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 32–35.

[2] Подробнее см. в ст.: *Рыков Ю.Д.* Собрание Е.Е. Егорова // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель / Отв. ред. вып. Ю.Д. Рыков. М., 1986. Т. 1. Вып. 2 (1917–1947). С. 61–84.

[3] ОР РГБ. Ф. 98. № 155. Л. 19 об.

[4] О происхождении рода князей Друцких и Бабичевых-Друцких подробнее см. в ст.: *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. [Ч. 2] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2007. № 4 (30). С. 50–68.

[5] О судьбе удела князя Семена Ивановича подробнее см.: *Кистерев С.Н.* К истории Калужско-Бежецкого удела в начале XVI в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 16–20.

[6] *Шеков А.В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XIII – середина XVI вв.). Тула, 1993. С. 46; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 78–79.

[7] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 89. С. 360. Л. 5.

[8] Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. № 24. С. 136.

[9] *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: Исторические очерки. М., 1892. [Приложения.] № 2. С. I–II.

[10] Сб. РИО. Т. 35. № 24. С. 136; *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. [Приложения.] № 2. С. II.

[11] Новгородские писцовые книги. Т. 1–5 (по указ.).

[12] Рукописи, поступившие в 1980 г. в Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722) // ЗОР ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 99–100 (описание Ю.Д. Рыкова).

[13] ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 188 об.

[14] Вполне возможно, что из новгородского рода мог происходить подьячий Родион (Родя) Бабин. В 1606/07 г. вместе с Л. Лазаревым он был дозорщиком в Водлоозерской волости (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 39).

[15] Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.; СПб., 2007. № 83. С. 85 [Список XVI в.].

[16] «Heraldica»: Исторический сборник Н. В. Шапошникова. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 4. С. 34.

[17] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. № 131. Л. 372, 373 об.–374.

[18] Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1: Писцовые книги XVI в. Отд. 1. С. 335–336, 344, 355, 370, 371, 413, 436, 485, 487; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 123–126.

[19] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 357.

[20] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 536. Примеч. 16.

[21] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. С. 357, 367, 418, 433, 463, 465–466, 483; СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. (по указ.).

[22] Там же. Ч. 1. Отд. 1. С. 433.

[23] *Кузнецов В. И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI–XVII вв.). М., 1993. С. 131.

[24] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 483.

[25] Благодарю Андрея Павловича Павлова за предоставленные сведения о М. И. Бабине.

[26] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1411.

[27] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 357–358.

[28] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. 2. № 249. С. 225.

[29] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 463.

[30] Города России XVI в.: материалы писцовых описаний. М., 2002. № 1. С. 25.

[31] АСЗ. Т. 2. № 141. С. 139.

[32] *Кузнецов В. И.* Из истории феодального землевладения России. С. 131.

[33] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1995. Т. 1. С. 93. Л. 203, 204.

[34] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 367, 418, 465–466,

[35] Там же. С. 418.

[36] Там же. Ч. 1. Отд. 2. С. 838, 840, 842, 844.

[37] Там же. С. 844.

[38] Там же. С. 842.

[39] Там же. С. 838.

[40] Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край. М., 1978; Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1996. Т. 1. Вып. 1; Куликово поле: Документы по землевладению XVII в. Тула, 1999 (по указ.). В XVII в. кое-кто из представителей данной ветви рода Бабиных продолжал служить по Ряжску. Среди них известны: писец и межевщик галицкого пригорода Кологрива, Дмитрий Григорьевич (в 1662), а также его брат – помещик Родион Григорьевич (в 1679). Земли Р. Г. Бабина находились в селе Лебяжье на р. Малой Хупотке Пехлецкого стана Ряжского уезда (Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. СПб., 1869. Кн. 1. № 1017. С. 100, № 2276. С. 232).

[41] Словарь русского языка, XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4 (Г–Д). С. 306–307.

[42] АСЭИ. М., 1952–1964. Т. 1–3 (по указ.).

[43] ОР РГБ. Ф. 98. № 155. Л. 19 об.).

[44] Цит. по изд.: *Зольникова Н.Д.* Описание книг кирилловской печати XVI–XVII вв. (Собрание ИИФиФ СО АН СССР) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1985. С. 215.

[45] *Авдеев А. Г., Прокопенко А. М.* Белокаменная плита со стихотворной летописью из Николо-Угрешского монастыря // Вестник ПСТГУ. М., 2005. № 4. Сер.: Филология. История. С. 145.

[46] *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 18.

[47] *Прокопенко А. М.* Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 2: Архивные материалы по истории Москвы. № 2. С. 56 [Список 1644 г.].

[48] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 443, 471, 500–501.